

отя совершенно ясно, что они не талантливы, эта тусовка постоянно мелькает на экране.

Александр Дольский - 2002 - апрель, - с. 32-33

"У меня замечательная биография. А автобиография ещё лучше. Тем более что и не одна даже..." Так сказать о себе мог человек, обладающий хорошим чувством юмора. В числе прочих достоинств известного барда Александра Дольского это – одно из самых главных.

С Александром Дольским беседует наш корреспондент Игорь ЛИНЧЕВСКИЙ.

– Александр Александрович, как бы вы себя "классифицировали"? Кто вы – поющий поэт? Пишущий композитор?

– Я – поэт. И – музыкант. Некоторые свои стихи я пою. Точнее, как бы напеваю, я не считаю это пением.

– А чем вы объясните нынешний – очевидный – всплеск популярности авторской песни? Взять хотя бы ваши выступления в Политехническом – всегда аншлаг. Нехваткой душевного тепла? Контрастом с повсеместным "все на продажу"?

– Социологи подразделяют людей на какие-то категории, а я по своим профессиональным взглядам их делю просто: на читателей и не читателей. Есть читатели, которые любят слушать поэзию под аккомпанемент. И определённый процент таких людей всегда присутствует в обществе. В России этот процент, возможно, выше, чем в других странах. Пока. В предыдущее время тоталитарный строй умудрился воспитать очень хорошего читателя и слушателя. Самое интересное, что это передаётся по крови, семейно. На концерты приходит очень много школьников – значит, потребность есть. Сегодня большинство текстов, исполняемых под музыку, – чрезвычайно низкого уровня. Да и сама музыка оставляет желать лучшего. Я телевизор смотрю нечасто, но как ни включишь – просто несчастье! Артистов по всем каналам набирается десятка три-четыре – как будто во всей России никого больше нет. Эта тусовка постоянно мелькает на экране, хотя совершенно ясно, что они не талантливы. Но людям всё равно требуется духовная пища. Поэтому поэтическая песня постепенно опять возвышается, опять наступает её время.

– У вас прозвучало такое определение авторской песни – "поэтическая". В чем же её отличие от прочих песен?

– Наличие или отсутствие поэзии определяется вкусом, это очень сложная штука. Или человек с ним рождается, или, чаще, вкус воспитывается. Можно играть на гитаре, изображая барда или рокера, но поэзия будет отсутствовать. Интересно, что и не каждые стихи кладутся на музыку. Случается удивительная вещь – примитивный эстрадный певец низводит поэта до своего уровня.

– После войны, во времена вашей юности, была популярна гармошка, а у вас – саксофон, потом – гитара. Вообще, как джаз появился в вашей жизни?

ХОД ДУШИ

Александр Дольский: «Интеллигент – это тот, кто ставит перед собой цель умереть хорошим человеком».

– У меня мама – балерина, отец – певец, правда, оперный (оперный театр был моим вторым домом). Так что я рос в музыкальной семье. А джаз... Мы жили в одном доме с музыкантами из джаз-оркестра. Заходишь в гости к кому-нибудь из соседей – сидят играют джаз. Главным образом я играл на гитаре, и больше, конечно, классику. На джаз немного времени оставалось. В основном это происходило, когда уже учился в институте – летом подрабатывал на танцах. Кстати сказать, в том самом Доме офицеров я играл в оркестре с Пресняковым – тем самым, который "старший". А в Нижнем Тагиле во время каникул устроился гитаристом на место Володи Мулявина. Я Баха играл, Альбениса...

– Кто вам близок из современных джазменов, рокеров, эстрадных исполнителей – зарубежных, отечественных?

– Наверное, я сильно отстал от мейн-стрима... Из эстрады, пожалуй, никто, это вне моих интересов. В рок-музыке Марк Нопфлер – последний, кого мне открыли мои сыновья. Я люблю современный сложный джаз или когда троём играют Эл ди Меола, Маклафлин и Пако де Лусиа. Хотя и старый, "горячий" джаз очень люб-

лю. Ну и "cool jazz" тоже – Колтрейна, Чарли Паркера. Не люблю, когда в джазе человек напрягается. Джаз нужно играть спокойно – как Дизи Гиллеспей, или Бенни Гудман, или Стэн Гетс, или Пол Дэзман. Чтобы не было видно усилий, чтобы всё осталось там – "за сценой". Так же, кстати, и в поэтической песне. У Высоцкого, например, была незаметна та гигантская работа, которую он проделывал, трудясь над каждой своей песней.

– Вы были знакомы лично?

– Я подходил к нему пару раз после спектакля. И он знал мои песни. Но близко знакомы мы не были. А вот с Окуджавой был знаком, дома у него бывал. Как-то раз пел ему "Старинные часы", у меня там сперва слова идут, затем музыкальная пьеса, которую я играю на флажолетах. Булат Шалвович послушал и сказал: "Замечательная песня! Только вот ту музыку, которую играете после песни, уберите. И будет совсем славно!" Оказывается, он хотел проиллюстрировать мной бардовское движение в Союзе писателей, чтобы секцию нам там организовали. И испугался, что писатели не поймут мою музыку. Между прочим, моя первая большая пластинка вышла даже раньше, чем у самого Окуджавы, Аркадий Райкин помог, я сотрудничал

с его Театром миниатюр. У Министерства культуры был принцип – не издавать бардов. Райкин им доказал, что я никакого отношения к бардам не имею. Мол, у Дольского "отдельная" поэзия с примесью декаданса – типа поэзии Серебряного века. Музыка тоже у него, мол, такая... европейская. И только поэтому вышла моя пластинка. Потом уже стало легче.

– Говорят, у Райкина был очень сложный характер...

– Какой сложный, Боже мой! Скажи доброе слово – и всё, он твой. У меня с ним были прекрасные отношения – ни одного худого слова сказать о нём не могу.

– Ваши песни отчётливо делятся на лирические, очень светлые, трогательные – и на ядовитую сатиру...

– Ядовитое, может быть, в них и есть, но чаще всего они смешные, потому что без юмора, на одном серьёзе – только Галич умел. Он это гениально делал. Я любил творчество Галича, его обожал как личность. Он тоже с симпатией относился к тому, что я делал. Говорил, что под моим влиянием созрел для написания песен о любви. Галич – это Гомер советской эпохи. Не то чтобы у нас была многолетняя дружба, но отношения сложились вполне нежные.